

ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В «МОИХ УНИВЕРСИТЕТАХ» М. ГОРЬКОГО

Э. КОНДЮРИНА

В последнее время появились работы, в которых «Мои университеты» рассматриваются не только как часть трилогии, но и как «самостоятельное» произведение, своеобразие которого обусловлено особенностями литературной и общественной деятельности Горького начала 20-х гг.¹ Подобный подход позволил более конкретно-исторически сформулировать проблематику повести, по-новому осветить вопрос об ошибках Горького.

Большинство исследователей считает, что в «Моих университетах» Горький разворачивает «картину идеологического «обучения» и созревания героя» и главной является проблема «выработки нового мировоззрения»². Подобная точка зрения представляется убедительной, поскольку сам Горький говорил, что «его долитературная биография интересна как история кристаллизации революционного мировоззрения людей, принявших активное участие в революции 1905 и 1917 гг.»³

В существующей о «Моих университетах» литературе исследуются типологические черты характера и мировоззрения автобиографического героя и обращается внимание на самую логику его жизненных впечатлений и раздумий, на связь рационального и эмоционального. Идея «Университетов» обычно трактуется с точки зрения разносторонности связей героя с жизнью и упускается другое, не менее важное — система знаний⁴. Эта сторона содержания также представляет большой интерес, поскольку Горький дает своеобразную модель становления

¹ Я. Е. Эльсберг. Художественное новаторство основоположника социалистического реализма. Сб. автора «О бесспорном и спорном», М., С. П.; М. Четрикашвили. Темы и идеи автобиографической повести М. Горького «Мои университеты». — «Труды Тбилисского университета», т. 15, 1960; С. Касторский. Горький — художник. М.—Л., 1963; Б. В. Михайловский. Автобиографическая трилогия М. Горького. Сб. «Литература и новый человек». М., 1963; Е. Б. Тагер. Творчество Горького советского периода. М., 1964.

² Е. Б. Тагер. Указ. раб., стр. 54, 67.

³ К. Д. Муратова. Горький в борьбе за развитие советской литературы. М., 1958, стр. 232.

⁴ Горький не раз высказывал сожаление, что не получил систематического образования, и вообще он очень ценил систему вплоть до распорядка дня.

научного мировоззрения, раскрывает процесс формирования мышления интеллигента, что не утратило своего значения до сегодняшнего дня.

* * *

Горький показывает своего героя в 80-е годы, когда марксизм начал только становиться мировоззрением и был еще достоянием отдельных личностей из интеллигентной среды. «Во всей огромной стране насчитывалось немногим более десятка небольших марксистских групп и кружков в крупных городах»⁵— говорится по этому поводу в «Истории КПСС». Однако в самых разнообразных слоях общества было заметно стремление разобраться в запутанной картине мира, без чего нельзя было упорядочить жизнь.

Автобиографический герой Горького представляет ту часть народа, которая раньше других пришла к марксизму, которая в своем развитии шла навстречу ему.

В повести показан тот период развития личности, когда она только подготавливалась к воспитанию революционной теории, когда ею совершенно отчетливо осознается необходимость целостной системы взглядов на мир, на общество, в первую очередь; когда в результате эмпирического опыта человек убеждается в том, что все существующие теории не являются реалистическими, т. е. не годятся для перестройки мира и самого человека. Хотя в произведении Горького «обширный и многообразный материал, обрисовывающий целую эпоху в развитии страны, народа, общества (...),— по верному замечанию С. Г. Бочарова,— предстает как достояние... субъективного опыта и внутренней жизни»⁶ автобиографического героя, писателю удалось показать объективную и субъективную стороны процесса становления нового мировоззрения.

Объективная сторона этого процесса предстает как объективные условия, которые воздействуют на героя, побуждают развитие его мысли, сознания. У Горького нет среды в традиционном смысле этого слова, как определенного устойчивого уклада жизни. Дело не в том только, что его герой переходит от одного окружения к другому (босяки, интеллигенты, рабочие, крестьяне), а в том, что противоречивость, неустойчивость стала характеризовать каждую среду. Среда практически предстает как нечто многоликое и воздействует не столько своей моралью, сколько взглядами ее отдельных представителей. В этом нашла отражение сложность жизни 80-х гг., неумолимо втягивавшей в свой круговорот всех. Поэтому объективные обстоятельства предстают как совокупность характеров, которые отражают разнообразие судеб, а отсюда и разнообразие пониманий и отношений к жизни. Так, в среде ин-

⁵ История Коммунистической партии Советского Союза, М., 1962, стр. 32.

⁶ Теория литературы. М., 1962, т. I, стр. 430.

теллигенции Алеша видит Деренкова, самоотверженное служение народу которого внушает Алеше уважение к интеллигенции, рождает огромное желание перестраивать эту жизнь. С другой стороны, он встречает окончившего Сорбонну учителя истории — убежденного противника прогресса.

Эта противоречивость поведения людей заставляет героя разобраться в ней, развивает его мысль. У Горького все задумалось над жизнью, над причудливой ее пестротой. Так, Никита Рубцов, служивший на всех ткацких фабриках России, участвовавший в Морозовской забастовке, приходит к печальному выводу: «...жил, жил, а — ничего не нашёл, ни душе, ни телу»⁷. Он считает, что человек должен на себя рассердиться и опровергнуть свою подлую жизнь. Слесарь Шапошников — яростный отрицатель бога. «Я почти два десятка лет веровал, в страхе жил перед ним, — говорит он Алеше. Терпел. Спорить нельзя. Установлено сверху. Жил связан. Вчитался в библию — вижу: выдуманно!» [571]. Задумавшимися о смысле жизни предстают даже обитатели дна, «девушки» для радости. Одна из них, Тереза Борута, удивляла Горького «вдумчивым отношением к людям и спокойным исканием смысла в их деяниях» [541].

Еще более напряженными предстают поиски истины интеллигенцией. Перед нами проходят народники, толстовцы, молодежь, читающая книги Г. В. Плеханова, показан организатор марксистского кружка Федосеев, говорится о выступлении студентов Казанского университета.

Автобиографический герой знакомится со многими представителями мыслящей Казани и старается уловить в их речах ответ на волнующий вопрос о смысле жизни. Он не брезгует даже классово враждебными источниками. Так, Горький пишет о квартальном Никифоре: «Не желая обижать учителей моих, я скажу все-таки, что будочник решительнее и нагляднее, чем они, объяснил мне устройство государственного механизма» [563]. Однако главным в Алеше является не только его способность вобрать и усвоить все богатство представлений о мире, о чем писал в своих работах С. Г. Бочаров⁸, но и сам метод мышления. Поэтому-то субъективное развитие автобиографического героя и проходит несколько этапов, качественно отличных друг от друга.

Исходным у Горького является, казалось бы, традиционное для пятнадцатилетнего подростка настроение мечтательности, иллюзорное представление о собственных силах. Живя у Евреиновых и наблюдая,

⁷ М. Горький. Собрание сочинений в 30-ти томах. М., 1951, т. 13, стр. 583. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте.

⁸ «Композиционно личность героя-повествователя и внешняя жизнь представлены так, что мир личности не помещается внутри широкого эпического мира, а ...охватывает этот широкий мир, как свой личный опыт, материал своей внутренней жизни». Теория литературы, т. 1, стр. 433.

как маленькая вдова ежедневно пытается разрешить трудную задачу — «сделать из небольших кусочков плохого мяса достаточное количество хорошей пищи для трех здоровенных парней, не считая ее самое» [514] — Алеша начинает придумывать фантастические способы помочь людям. «А уж я видел себя седобородым волшебником, который нашел способ выращивать хлебные зерна объемом в яблоко, картофель по пуду весом и вообще успел придумать немало благодетелей для земли, по которой так дьявольски трудно ходить не только мне одному» [516].

Однако эта мечтательность не ослабляла героя. «Я уже научился мечтать о необыкновенных приключениях и великих подвигах. Это очень помогало мне в трудные дни жизни, а так как этих дней было много, — я все более изощрялся в мечтаниях» [516]. Способность Алеши мечтать поддерживает его энергию. Без такой мечтательности нельзя собираться в дальний путь, на большие дела. Это помогло сопротивляться «свинцовым мерзостям». Мечтательность и приводила к «волево-му упрямству». «...чем труднее слагались условия жизни, — тем крепче и даже умнее я чувствовал себя. Я очень рано понял, что человека создает его сопротивление окружающей среде» [516].

На первых порах сопротивление среде выражается только в способности черпать силы в картинах, нарисованных воображением. В дальнейшем Горький проверяет, насколько значительна жизненная сила романтики. Алеша оказывается на дне, среди людей «грубых инстинктов», где цинизм жизни предстает предельно обнаженно. Находясь среди профессиональных воров, скупщиков краденого, Алеша видит много такого, что, казалось бы, должно прочно удерживать его здесь. «...мне нравились их злоба на жизнь, нравилось насмешливо-враждебное отношение ко всему в мире и беззаботное к самим себе. Все, что я непосредственно пережил, тянуло меня к этим людям, вызывая желание погрузиться в их едкую среду» [516]. И только «романтизм юности» и немало серьезных книг, прочитанных раньше, возбудили «стремление к чему-то неясному, но более значительному...» [519].

Способность мечтать и была той чертой, без которой социалист немыслим. Ленин в свое время неоднократно выступал в защиту мечты⁹, говорил о необходимости развивать ее в социалистическом движении. У юного Алеши, таким образом, обнаруживаются качества, характерные для исторически новой личности.

⁹ «Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине, то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставила бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни...» М. Горький. Полное собр. соч., т. 6, стр. 172—173.

Следующий этап развития мировоззрения героя связан с интересом к противоречиям жизни. Алеша живет в «Марусовке» — полуразрушенном доме, «завоеванном у владельцев его голодными студентками, проститутками и какими-то призраками людей, изживших себя» [520]. Жизнь услужливо представляла герою удивительное сборище явлений, которые будили мысль, ибо требовали разгадки.

Один из обитателей этого дома «третий год судился с какими-то родственниками, симбирскими купцами, и заявлял всем и каждому: «жив быть не хочу, а — разорю их вдребезг! Нищими по миру пойдут, три года будут милостыней жить, — после того я им ворочу все, что отсужу у них, все отдам и спрошу: «Что, черти? То-то!» [524]. Или другой — математик, который, казалось, питался одними ногтями, настолько он был худ, изможден — пытался математическим путем доказать существование бога. У наблюдающего жизнь этих людей Алеши возникает естественный вопрос: «Зачем все это?» [524].

Не менее загадочной предстает жизнь во время разгрузки баржи. Сначала Алеша видит, как грузчики, ворча и ругаясь, «лениво ползали по палубе». «Мне казалось, что эти полусонные люди не способны к работе, не спасут погибающий груз» [530]. И вот те же люди стали показывать работу. «Они, точно в бой, бросились на палубу и в трюмы затонувшей баржи, — с гиком, ревом, с прибаутками. Вокруг меня с легкостью пуховых подушек летали мешки риса, тюки изюма, кож, карагуля» [530].

Противоречивость жизни предстает на этот раз по-иному, чем в «Марусовке». Там Алеша видел два типа людей: одни, как Гурий Плетнев, вызвали восхищение и зависть, другие — мучительное недоумение. Там противоречие выражалось в сосуществовании противоположных явлений. Здесь одно и то же явление обнаруживает разные качества. Это позволило Алеше сделать оптимистический вывод о жизни: «какими могучими силами богата человеческая земля» [531]. Поэтому разгрузка баржи и явилась эмоциональным толчком к поискам тех сил, которые помогли бы освободить «человеческую землю» от грязных напластований на благо самим этим силам. С этого момента начинается новый этап развития героя — его сознательные усилия по формированию мировоззрения.

Алеша начинает с поисков теории, которая помогла бы понять и изменить жизнь, т. е. в первую очередь начинают формироваться его социальные и политические взгляды. В этой последовательности нашла выражение закономерность формирования мировоззрения пролетариата. Но на пути к овладению системой взглядов на мир он открывает для себя ряд нравственных истин, без которых немислим сознательный революционер. Познакомившись с Деренковым и народнически настроенным студенчеством, Алеша «перестал думать о себе и начал вниматель-

нее относиться к людям» [538]. Затем он улавливает гуманистическую основу всякого последовательного поиска истины, т. е. гуманистичность подлинной интеллектуальности. Горький пишет о себе: «Я почувствовал, что, только очень крепко, очень страстно любя человека, можно почерпнуть в этой любви необходимую силу для того, чтоб найти и понять смысл жизни» [538].

Первую теорию — народничество — Алеша воспринимает как человек романтического мировоззрения. Поэтому он не в состоянии был увидеть ограниченность, утопизм программы. Алеша целиком разделяет верования Деренкова в то, что «накопятся сотни, тысячи таких хороших людей, займут в России все видные места и сразу переменят всю жизнь» [539]. Его только несколько смущает, что он не всегда думает так, как его учителя, однако это не ставит под сомнение общественную целесообразность их деятельности. Отсюда то ценное и значительное, что мог заимствовать Алеша у народников, было связано с нравственным примером: бескорыстное служение народу.

Кризис его романтического отношения к миру, вернее «романтической социологии»¹⁰, обнаруживается в тот момент, когда Алеша стал действовать в соответствии с народнической доктриной. Крендельщики, у которых он стремится воспитать уважение к интеллигенции и самим себе, развить «надежду на возможность иной, более легкой и осмысленной жизни» [540], смеются над ним. Он впервые обнаруживает «недостаток знаний, неумение ответить даже на простейшие вопросы жизни, быта» [540]. Алеша начинает понимать, что теория должна выдержать проверку жизнью, должна быть реалистической. Теперь он вынужден приняться за труд интеллигенции — осмысление противоречий жизни. Если раньше он видел противоречия настолько, насколько они были обнажены в явлениях, то теперь эти противоречия обнаруживает его мысль. Впервые ему открывается истина, что «думы о жизни не менее тяжелы, чем сама жизнь» [543].

Уже в среде интеллигенции Алеша встречает разные типы поведения. Наряду с романтической верой в прогресс, наряду с коленопреклоненным отношением к народу он встречает настроения неверия в жизнь. Случайно спасенный им учитель истории в интимной беседе излагает как выстраданное, проверенное жизнью частной и исторической, убеждение, что «... прогресс — это выдуманно для самоутешения. Жизнь неразумна, лишена смысла» [547]. После того, как он услышал от людей, которых он не мог не уважать хотя бы потому, что они были образованы, мнения прямо противоположные, он начинает критически относиться ко всему тому, что преподносят ему как истину.

¹⁰ В данном случае термин «романтическая социология» употребляется условно, поскольку социологические взгляды автобиографического героя еще не были достаточно развиты и к тому же он не был ортодоксальным народником.

Совсем по-иному Алеша воспринимает теперь «теорию» толстовца. Сначала он замечает несоответствие между истинами, изрекаемыми «учителем», и выражением его лица. «Истина — это любовь, — восклицал толстовец, а глаза его сверкали ненавистью и презрением» [577]. Затем вызывает возражение и сама истина Клопского, поскольку она не выдерживает проверки логикой. «Передо мною стеной встал вопрос: как же? Если жизнь — непрерывная борьба за счастье на земле, — милосердие и любовь должны только мешать успеху борьбы?» [577]. Алеша идет с этим вопросом к Клопскому, и картина, представшая его взору, окончательно дискредитирует «учение». Еще раньше он убедился в том, что страстные поиски истины невозможны без подлинного человеколюбия, здесь же он обнаруживает своекорыстие. Всем своим видом Клопский «соответствовал представлению о бездомном апостоле, проповеднике истины» [577]. Однако сидящий в тени огромной старой липы «апостол» «черпал серебряной ложкой из тарелки малину с молоком, вкусно глотал, чмокал толстыми губами и, после каждого глотка, сдувал белые капельки с редких усов кота» [577].

Не приняв идею толстовца как программу, Алеша тем не менее задумался над вопросами, которые тот поставил, — о роли любви в жизни. Он отчетливее увидел разницу между литературой и жизнью. «Все, что я читал, было насыщено идеями христианства, гуманизма, воплями о сострадании к людям, — об этом же красноречиво и пламенно говорили лучшие люди, которых я знал в ту пору.

Все, что непосредственно наблюдалось мною, было почти совершенно чуждо состраданию к людям. Жизнь разворачивалась передо мною как бесконечная цепь вражды и жестокости, как непрерывная, грязная борьба за обладание пустяками» [579].

Положительным результатом знакомства героя с различными течениями общественной мысли является вывод о необходимости целостной системы взглядов, объясняющей процесс жизни, в результате овладения которой он перестал бы быть игрушкой в руках различных сил. «...чь-то невидимая, но сильная рука жарко подхлестывала меня невидимой плеткой» [581].

Следующим этапом в развитии мировоззрения героя явилась работа в Красновидово. Новизна этого этапа состояла в том, что Алеша теперь не теорию проверяет жизнью, не от теории к жизни идет, а на основе жизни у него складываются определенные выводы обобщающего характера.

Наблюдая жизнь деревни, он невольно сравнивает ее с городом и приходит к выводу, что город живет богаче духовно, ибо там «жажда счастья, дерзкая пытливость разума, разнообразие его целей и задач» [604].

Алеша теперь в состоянии увидеть двойственность в поведении крестьянства, которая определяется двойственностью его социальной природы. «...я видел, что в каждом из этих людей, взятом отдельно, немного злобы, а часто и совсем нет ее. Это, в сущности, добрые звери, — любого из них нетрудно заставить улыбнуться детской улыбкой, любой будет слушать с доверием ребенка рассказы о поисках разума и счастья, о подвигах великодушия... Странной душе этих людей дорого все, что возбуждает мечту о возможности легкой жизни по законам личной боли.

Но когда на сельских сходах или в трактире на берегу эти люди соберутся серой кучей, они прячут куда-то все свое хорошее и облачаются, как попы, в ризы лжи и лицемерия, в них начинает играть собачья угодливость перед сильными, и тогда на них противно смотреть» [631]. Деревня, крестьянство с его собственническим началом, особенно больно ранят Алешу, ибо сам он «человек духовный», по верному замечанию Тиунова.

Наблюдения над жизнью крестьянства позволяют отчетливо понять ограниченность метода Ромася. «Внушайте мужику, чтобы он постепенно научился отбирать у царя власть в свои руки, говорите ему, — советует Ромась, — что народ должен иметь право выбирать начальство из своей среды...» [696—697]. Алешу же не удовлетворяет этот путь, так как «это на сто лет» [597].

Таким образом, еще одна теория была отвергнута, однако впервые крах ее представляется герою закономерным, впервые он увидел, что жизнь шире теории, тогда как раньше крушение теории означало крушение жизни. Алеша убеждается, что он созрел для действия, способен на подвиг самоотвержения, у него достаточно физических и духовных сил, но не знает, как действовать.

Жизненный опыт автобиографического героя предстает в повести с точки зрения развития метода познания. Горький наглядно показал, как активное отношение к жизни, реальная связь с нею неизбежно формируют реалистическое мировоззрение, способное постигать противоречия жизни, противоречия теории. Однако эмпирический опыт человека не в состоянии вооружить его знаниями, достаточными для изменения действительности. Эмпирический опыт не в состоянии выработать научную теорию. «Хождения по мукам» автобиографического героя, его теоретическая беспомощность являются сильнейшим аргументом Горького в защиту интеллигенции, добывающей научные знания.

* * *

В повести Горького процесс становления взглядов на мир показан неотрывно от эмоциональной жизни героя. Писатель постоянно фиксирует, как переживается та или иная мысль. Так, слова учителя истории

о том, что «люди ищут забвения, утешения, а не знания», буквально физически воздействуют на Алешу. Вспоминая «яростные взвизгивания разбитого человека, чувствовал, что его слова остановились где-то в горле у меня, душат. Не хотелось идти в мастерскую, видеть людей и, таская на себе кучу снега, я шатался по улицам Татарской слободы» [548]. Горький добавляет дальше, что «впоследствии я неоднократно слышал речи о бессмыслии жизни... Но эти идеи уже не влияли на меня так ошеломляюще, как тогда, когда я впервые познакомился с ними» [548].

Это параллельное изображение эмоционального и рационального определяется не только требованием правдивости, поскольку создавалось документальное произведение, но вытекает из концепции личности, национального характера.

Еще в начале литературной деятельности Горький обратил внимание на соотношение мысли, разума и чувств человека. Интересные раздумья по этому поводу содержатся в его письмах к А. П. Чехову и Е. Репину. «Вы сказали, что я умен — тут я смеялся...», — писал он Чехову в 1899 г., — «Я — глуп, как паровоз. С десяти лет я стою на своих ногах, мне некогда было учиться, я все жрал жизнь и работал, а жизнь нагревала меня ударами своих кулаков и, питая меня всем хорошим и дурным, наконец — нагрела, привела в движение, и вот я — лечу. Но рельс подо мной нет, я свежо чувствую и не слабо, думать же — не умею, — впереди ждет меня крушение»¹¹. В этом письме выражена глубокая озабоченность писателя отставанием мысли от чувств, осознаваемая им субординация двух начал в человеке. В письме же к Е. Репину обобщены наблюдения над личностью современного интеллигента, которые впоследствии получают выражение в романе «Жизнь Клима Самгина»: «...вижу также, что развитие человека с некоторой поры идет криво — развивается ум наш и игнорируются чувства. Думаю, что это вредно для нас. Нужно, чтоб интеллигент и инстинкт слились в гармонии стройной, и тогда, мне кажется, все мы и все, что окружает нас, будем ярче, светлее, радостнее»¹².

В поэме «Человек» Горький сформулирует эти свои наблюдения как общий закон. Он четко разграничит в человеке мысль и чувство и утвердит верховную роль мысли: «И только Мысль — подруга человека, и только с ней он всегда неразлучен, и только пламя Мысли освещает пред ним препятствия его пути, загадки жизни, сумрак тайн природы и темный хаос в сердце у него»¹³. Цитированные письма к А. Чехову, Е. Репину позволяют видеть, что философская мысль поэмы «Человек»

¹¹ М. Горький. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1955, т. 28, стр. 56—57.

¹² Там же, стр. 101.

¹³ М. Горький. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1950, т. 5, стр. 364.

не была плодом абстрактных построений, а покоилась на жизненных наблюдениях писателя.

К этим мыслям Горький вновь возвращается в 20-е годы, когда создавался цикл воспоминаний об интеллигенции. В переписке его с зарубежными писателями Р. Ролланом, С. Цвейгом большое место занимают мысли о национальном характере и в том числе о национальных различиях в соотношении интеллектуального и эмоционального.

Из сказанного видно, что проблема разума и чувств в «Моих университетах» существенна и определяется самим материалом произведения.

В предшествующем разделе работы были сделаны выводы о поступательном развитии разума автобиографического героя. Его мысль становилась все более реалистической, и разум созрел для восприятия революционной теории, которая требует от мысли бесстрашия и в то же время трезвости. Как же развивались чувства героя? Наблюдается ли здесь подобное поступательное развитие?

В ряде работ об автобиографической трилогии говорится, что герой Горького — гармоническая личность. Б. В. Михайловский пишет о «духовном богатстве и гармонической цельности горьковского автобиографического героя». «У героя Горького нет никаких внутренних противоречий между «естественным» и социальным; голос инстинкта, чувства и веления разума, совести у него совпадают; «инстинктивное» в его душе не несет ничего темного, злого, звериного, скорее, — просветленно человеческое»¹⁴. Думается, материал повести не позволяет делать столь категорических выводов.

В герое Горького поражает сила чувств, и в этом отношении он является прямой противоположностью типу умствующего интеллигента, который будет воплощен в образе Клима Самгина. Однако писатель не скрывает, что эмоции Алеши носят не только положительный, но и отрицательный характер. Так, особое экстатическое состояние он испытывает во время разгрузки баржи. «Я жил эту ночь в радости, не испытанной мною, душу озаряло желание прожить всю жизнь в этом полубезумном восторге делания» [531]. Нечто подобное переживает он в Красновидово, когда убеждается в любви к нему Ромася. «Его лицо, облитое потом, выпачканное сажей, плакало грязными слезами... Меня облила освежающая волна радости — такое огромное, мощное чувство!» [625].

Наряду с этим Горький показывает, как в его герое иногда подымаются чувства, которые позволяют обнаружить зверя в человеке. Смерть Шапошникова вызывает очень сильную душевную боль, и выход из нее Алеша видит в злости, поскольку испытал «острое желание

¹⁴ Сб. «Литература и новый человек». М., 1963, стр. 80.

сделать что-нибудь злое, безобразное, чтоб на меня бросилась куча людей и этим дала бы мне право бить их» [582].

Горький прямо говорит о дисгармоничности Алеши. В нем нет и не может быть цельности, как и в большинстве людей, с которыми он встречается. «Я видел, что почти в каждом человеке угловато и неслаженно совмещаются противоречия не только слова и деяния, но и чувствований, их капризная игра особенно тяжело угнетала меня. Эту игру я наблюдал и в самом себе, что было еще хуже» [581]. Алешу выделяло из окружения только осознание этой неслаженности, в то время как другие ее не замечали.

Повесть интересна не только правдивым воспроизведением строя разнообразных чувств. Главным, на наш взгляд, является стремление писателя раскрыть связь эмоционального и рационального. Подъем высоких, даже возвышенных чувств переживает Алеша в моменты, когда деятельность его созидательна, когда действует он безошибочно (разгрузка баржи, пожар в Красновидово). В тех же случаях, когда герою оказывается не по силам роль сеятеля «разумного, доброго, вечного», он испытывает угнетающие его чувства. Так изображена сцена спора с крендельщиками, собравшимися бить студентов. «Гирями будем бить!— говорили они с веселой злобой. Я стал спорить, ругаться с ними, но вдруг почти с ужасом почувствовал, что у меня нет желания, нет слов защищать студентов. Помню, я ушел из подвала, как изувеченный, с какой-то необоримой, насмерть уничтожающей тоской в сердце» [584—585].

В какой же связи находится эволюция мысли героя с чувствами? В предыдущем разделе был показан процесс формирования реалистичности мировоззрения. Чем же должно обладать сопутствующее мысли чувство? Мысль у Горького развивается по восходящей. Этого нельзя сказать о чувстве. В конце повести мы видим, как героя охватывает сильное желание делать людям больно. «Сквозь красноватый туман я видел свирепые рожи, волосатые дыры ртов на них и едва сдерживал злое желание бить этих людей»,— изображает Горький свое состояние во время пожара в Красновидово. В той же ситуации Ромась чувствует себя по-иному. «Оторвут они бороду мне,— говорил Хохол, и я чувствовал, что он усмехается» [628]. В этой сцене Ромась намного человечнее, возвышеннее даже Алеши.

У Горького можно наблюдать обратное воздействие эмоций на разум: полубезумный восторг, испытанный героем во время разгрузки баржи, толкнул его на поиски теории; неожиданно открывшаяся любовь Ромася придает Алеше силы для познания жизни.

Из сказанного можно сделать выводы о горьковском понимании связи эмоционального и рационального. Горький утверждает, в данном случае на личном примере, как велика роль разума. Он выступает

в защиту реалистического мировоззрения, которое одно только может определить цельность чувств человека, ибо на его основе человек может правильно действовать. В результате успешного действия рождается чувство удовлетворения, т. е. эмоции носят положительный характер. Это не значит, что человек вообще застрахован от разрушительных эмоций. Последнее зависит от жизни в целом. Но в результате личной деятельности человек может предполагать определенные переживания, может быть к ним как-то подготовлен¹⁵.

Алеша не обладает научным мировоззрением, он не имеет возможности предвидеть результаты своей деятельности, да и деятельность его пока носит случайный характер.

Современная марксистская концепция личности исходит из того, что общенсторическая тенденция развития личности тяготеет к всестороннему ее развитию. «Она вытекает из универсального характера человеческой деятельности, из сущности труда»¹⁶.

Однако на разных этапах общественного развития эта тенденция получала разное выражение. Для пролетариата в классово-антагонистическом обществе эта тенденция к всестороннему развитию личности осуществляется в классовой борьбе. Алеша еще не является участником классовой борьбы, он только субъективно готовится к ней. У него есть явная диспропорция в соотношении духовного и физического развития. Горький пишет, как мало времени он может уделить духовному развитию. «Кончив разносить булки, я ложился спать, вечером работал в пекарне, чтоб к полуночи выпустить в магазин сдобное,— булочная помещалась около городского театра, и после спектакля публика заходила к нам истреблять горячие слойки. Затем шел месить тесто для вехового хлеба и французских булок, а замесить руками пятнадцать, двадцать пудов—это не игрушка. Снова спал часа два, три и снова шел разносить булки. Так изо дня в день» [567—568].

Труд Алеши не носил творческого характера, следовательно, он не мог развить его духовно. Только участие в революционной борьбе приведет к последовательной разносторонности, и то на первом этапе освободительного движения полнее развивается общественный человек, а не частный.

Герой Горького не является гармоничной личностью, но развивается он в этом направлении. Его ум развит настолько, что видит противоре-

¹⁵ Современная наука считает, что «эмоция представляет компенсаторный механизм, восполняющий дефицит информации, необходимый для достижения цели». См. П. В. Симонов. О роли эмоций в приспособительном поведении живых систем.— «Вопросы психологии», 1965, № 4, стр. 77. «Если полученное впечатление полностью совпадает с тем, которое мы собирались получить, для возникновения положительных эмоций нет особых оснований». Там же, стр. 79.

¹⁶ Сб. «Личность и социализм». М., 1968, стр. 42.

чия жизни и мучается над вопросом преодоления этих противоречий. Он не боится труда, трудностей, неизбежно вытекающих из революционной деятельности, как это видно по его поведению в Красновидово; у него достаточно душевных сил — мечтательность, романтичность, т. е. повышенные эмоциональные потенции. Все дело теперь в правильной теории, которая позволит человеку действовать и тем самым развиваться гармонично.

Картина духовного развития автобиографического героя представляет интерес с разных точек зрения. Она ценна как документ, запечатлевший конкретно-исторический процесс формирования первого поколения революционеров из народа. Она имеет непреходящее значение, поскольку художественно раскрывает некоторые общие для любой эпохи закономерности развития личности, вставшей на путь овладения научным мировоззрением и тем самым делает привлекательным это мировоззрение. «Мои университеты» являются гуманистической защитой научного мировоззрения, теоретического мышления, облегчающего путь познания мира и формирования гармонически развитой личности.

Июнь, 1969

Вильнюсский гос. университет
им. В. Касюкаса

AUTOBIOGRAFINIO HEROJAUS PASAULĖŽIŪROS FORMAVIMASIS M. GORKIO „MANO UNIVERSITETUOSE“

E. KONDIURINA

Re z i u m ė

Gerai žinoma M. Gorkio apysaka „Mano universitetai“ mažai išnagrinėta kaip savarankiškas kūrinys.

Esamoje apie šį kūrinių literatūroje dažniausiai tyrinėjami autobiografinio herojaus pasaulėžiūra ir tipologiniai charakterio bruožai. Nekreipiamas dėmesys į jo gyvenimo įspūdžių logiką ir mąstymą, į ryšį tarp racionalaus ir emocinio.

Ši apysakos turinio pusė įdomi dar ir tuo, kad Gorkis duoda savotišką žmogaus ir liaudies mokslinės pasaulėžiūros modelį, kas neprarado savo reikšmės iki šių dienų.

Herojaus pažinimų formavimosi procesas apysakoje neatskiriamas nuo jo emocinio gyvenimo. Šio ryšio analizė leidžia pastebėti, kaip klysta tyrinėtojai, laikydami Aliošą Peškovą harmoniškai išsivysčiusia asmenybe. O Gorkis įrodo, kad be realistinės pasaulėžiūros negali būti harmoniškai išsivysčiusios asmenybės.

THE WORLD OUTLOOK FORMATION OF AUTOBIOGRAPHICAL HERO IN GORKY'S STORY "MY UNIVERSITIES"

E. KONDURINA

Summary

The well-known Gorky's story "My Universities" is not enough studied (learned) as an independent work. The existing literature about this story as a rule research the typical traits of autobiographical hero's character and does not turn its attention to logic of his vital impressions and hesitations, to the connection of emotional and rational.

This aspect of contents presents a great interest in so far, as Gorky gives the original model of formation the scientific world outlook of common man, that does not loose its importance today.

Gorky in his story shows the process of the formation of hero's views to the world dependent from his emotional life. The study of this connection permit to see how much mistakes the investigators make, who consider Aliosha Peshkov as the harmonic personality. Gorky shows that the personality cannot be a harmonic personality without the realistic world outlook.